ПОЭЗИЯ ПРАВДЫ

2207

Художник нашего времени

ОТНОСИТЕЛЬНО необъемное по числу печатных листов творчество замечательного художника многонациональной советской литературы казахского писателя Тахави Ахтанова тем не менее удивляет разнообразием жанров, в которых он выступает. Он и прозаик — конечно, прежде всего — вплоть до нового его романа о войне! — и драматург, и публицист, и литературовед, и критик. И внутри одного жанра — в той же драматургии — у Ахтанова совершенно разные стилевые поиски — от бытовой комедии до романтической исторической трагедии. Только вот стихи Тахави писал, кажется, лишь в юности.

И все же прозаик и драматург Ахтанов в первую очередь поэт. Поэт в том смысле, которое придавали этому слову Гоголь и Достоевский. Поэт потому, что явления современности, к которой он предельно чуток, он воспринимает образно и решает их именно средствами поэзии.

Биографию писателя можно признать типичной для его поколения. К началу войны ему шел восемнадцатый год. Со второго курса Алма-Атинского пединститута он добровольцем уходит на фронт. Первые стихи и очерки печатаются в армейских газетах. После войны — работа в издательствах и журналах, постепенно, но прочно приходящее признание.

Всесоюзную известность казахскому писателю принес роман «Грозные дни», вышедший в свет в 1956 году. В одном из героев романа — генерале Парфенове — нетрудно угадать черты прославленного советского полководца И. В. Панфилова, а в описании боевых действий дивизии Парфенова — отдельные эпизоды героической борьбы панфиловцев. Но роман Т. Ахтанова — не историческая хроника, не беллетризированная история Панфиловской дивизии. В центре внимания писателя — не столько сами исторические события, сколько их преломление в сознании людей. Произведение Т. Ахтанова принадлежит к жанру психологического романа. Писатель поставил себе задачу показать, как отразилось суровое испытание войны на душах людей. Заветная мысль автора выражена в словах одного из его персонажей — политрука Василия Кускова: «Отважен только честный. Человек с нечистой душой способен убить врага, но на храбрость, на стойкость не способен. Война снимает с людей одежки, дружище, и с хороших, и с дрянных».

Солдат Кожек Шожебаев и старший лейтенант Уали Молдабаев в романе не сталкиваются между собой. Это неудивительно — высокообразованный Уали вообще не любил соприкосновений с «простыми» людьми. Но если бы им пришлось столкнуться, нетрудно представить, каким снисходительным презрением обдал бы бывший преподаватель вуза своего собеседника.

В Кожеке в самом деле многое вызывает улыбку. Даже история любви этого робкого человека к сильной, волевой Балкие, которая командует им как хочет. А нелепые злоключения Кожеке! Ведь он уже в Алма-Ате ухитрился отстать от эшелона, вызвав немалый переполох. Недаром Кожек — постоянный предмет насмешек товарищей. Но насмешки эти беззлобны. Бойцы сердцем чувствуют в Шожебаеве доброту, внутреннее благородство. Именно эти его качества проявляются в суровой военной обстановке, способствуют его духовному росту. Малограмотный Кожек способен глубоко почувствовать горе народа, ощутить себя борцом против того, что принесло это горе. Волна жгучей ненависти охватывает его, когда он видит убитого фашистами ребенка. И эта ненависть превращает его в умелого мужественного бойца. «В сегодняшнем бою Кожек вел себя хладнокровно. Былой страх, смущавший его душу, исчез. Раньше сражение казалось ему преисподней. Теперь он убедился, что может сопротивляться. К нему пришла уверенность».

Путь Кожеке на войне — путь роста человека. Путь Уали Молдабаева — путь безудержного падения. Проглотивший гору книг, Молдабаев мог бы, казалось, раньше Кожеке понять масштаб событий, меру предстоящих народу испытаний. Но он не в силах это сделать, потому что весь мир ему заслоняет необычайно привлекательная, на его взгляд, фигура самого Уали Молдабаева. Последние минуты, когда он, обезумевший от страха, подняв руки вверх, бежит навстречу фашистским танкам и гибнет от руки своих бывших товарищей, — логический конец этого эгоиста.

От «Грозных дней» прямая дорога вела к «Бурану», который остается одной из вершин творчества Т. Ахтанова. Прямая, но не близкая. Над этой небольшой по объему вещью писатель работал много лет. С детства хорошо зная чабанский труд, он тем не менее в период сбора материала для задуманной повести объехал многие области Казахстана, беседовал с чабанами, стараясь как можно полнее и глубже понять и труд, и мысли, чувства своих будущих героев. Первый вариант повести (в переводе на русский язык она была опубликована в «Новом мире») был очень тепло встречен читателями и критикой. Но сам писатель не был им удовлетворен до конца. Следующим этапом работы стала пьеса «Буран», с успехом прошедшая на сцене академического театра драмы имени М. Ауэзова в Алма-Ате. Переделывая для театра свою повесть, писатель значительно расширил и углубил сюжетную линию, связанную с одним из двух главных героев произведения — Касбулатом. И после этого, готовя повесть к новому изданию, Т. Ахтанов расширил ее. Повесть была отмечена Государственной премией Казахской ССР имени Абая.

Сюжет «Бурана» на первый взгляд не очень нов. Немолодой уже чабан Коспан застигнут в зимней степи отчаянной вьюгой. Коспан один. Шестьсот овец чабана, две собаки, конь — и больше никого вокруг. До жилья далеко. Чабан пытается повернуть отару, направить ее в «тихий уютный оазис Кишкине-Кум, тысячи песчаных глубоких котлов», где можно укрыться, переждать непогоду. Но буран так силен, что Коспан не в силах изменить движение отары, ветер гонит «охваченное бессмысленным страхом стадо» по равнине Кара-Кияк, «обжигающей, как холодное железо». «Его несет и кружит какой-то зловещий водоворот, и он безволен как последний осенний лист».

Это мысли Коспана в минуту отчаяния, но автор-то показывает, что его герой совсем не похож на «осенний лист». Отчаянно борется со стихией бывший фронтовик. Сутки идут за сутками, еле стоит на ногах конь Коспана, овцы падают одна за другой... Но человек, сам находящийся на грани беспамятства от усталости, видящий все вокруг «расплывчато, туманно, словно сквозь толщу воды», борется, ищет пути к спасению... Эта история показана автором выразительно и с тем огромным уважением к нелегкому чабанскому труду, которое могло родиться только в результате досконального изучения писателем условий жизни степняка-животновода.

Но автор «Бурана» не ограничивается правдивым изображением чабанского труда и быта. Это только первый план произведения, за которым открываются другие.

Коченея от стужи в буранной степи, без конца объезжая отару, Коспан мучительно размышляет о причинах несчастья. Почему остался богатый колхоз без кормов на зиму, почему, несмотря на это, решили немедленно увеличивать общественное стадо, почему вообще «в жизни все изменилось, техника чудеса творит, до Луны уже достали, а многое ли изменилось в овцеводстве?». Коспан вспоминает свой долгий и трудный путь, думает о Касбулате, «главном человеке в районе» и к тому же давнем друге Коспана, его фронтовом командире...

И впервые во время бурана, находясь на грани гибели, Коспан понимает, что его всепрощающая позиция по отношению к его «старому другу» была ошибкой, изменой по отношению к себе, к своему приемному сыну Каламушу и его сверстникам, которым наследовать его, Коспана, дело. И осознание этой своей вины, прозрение того, что с Касбулатом и подобными ему предстоит неизбежная и нелегкая борьба, в которой он, Коспан, обязан, именно обязан как гражданин и солдат принять участие, дает чабану возможность выстоять и тогда, когда силы готовы окончательно покинуть его. «Разве не пришло время прямо посмотреть в глаза Касбулату и потребовать от него ответа за прошлое и нынешнее? Он должен это сделать ради себя самого, ради своей жены, ради всех тружеников-чабанов, ради Каламуша! Каламуш — его наследник, а что он оставит ему? Трупы овец, разбросанные по степи от Атан-Шоки до Кишкине-Кумов? Передаст ему вековечную палку чабана и скажет: смирись, откажись от своей мечты, слушайся Касбулата и жуй свой хлеб?.. Нет... этого не будет!».

Но кто же все-таки Касбулат? Что движет им? В разных вариантах «Бурана» этот образ проделал определенную эволюцию. В первом Касбулат был откровенным карьеристом. Образ был ярок, но не особенно глубок. Когда Касбулат впервые «появился» на сцене Казахского академического театра драмы — играл его Асанали Ашимов, отлично понявший замысел автора, — удивление было сдержать невозможно: как, этот симпатичный немолодой человек с умными, усталыми и отнюдь не обличающими железной воли глазами — знакомый нам виновник бед Коспана? Что это, режиссер и артист — создатель многих талантливых портретов героев наших дней — решили показать, как ловко маскируется себялюбец и карьерист? Но нет, идет эпизод за эпизодом, и у зрителей не оставалось сомнений в искренности, личной порядочности этого Касбулата. Что же это — внезапная амнистия отрицательному герою?

В том-то и дело, что нет! Не амнистия, а решительное осуждение — только, так сказать, в иной, более высокой судебной инстанции. Касбулат в повести был просто плохим человеком. В спектакле как человек он был вовсе неплох. И в очковтирательстве этого Касбулата уже не было мелкого, эгоистичного, примитивного карьеристского домысла. Только намеренная узость взгляда, только полный отказ от самодеятельности мысли...

- В последнем варианте повести писатель окончательно расставил все точки над «и», четко вписав образ Касбулата в определенное историческое время.

Я остановился лишь на очень немногих образах и проблемах замечательной прозы поэта Тахави Ахтанова. Боюсь, что иначе нельзя. О каждом его образе, о каждой проблеме, поднятой писателем, можно говорить очень много.

И о них приходится много думать.

Это знает каждый читатель Тахави Ахтанова.

П. КОСЕНКО.

КАЗАХСТАНСКАЯ ПРАВДА
г. Алма-Ата
26 ОКТ 1983